

Катрин Корр

Хорошая
девочка

18+

Катрин Корр

Хорошая девочка

<https://litres.ru/74139032>

SelfPub; 2026

Аннотация

Много лет назад я сделала то, за что других детей обычно наказывали, но меня похвалили. Меня поблагодарили за хаос, за горе, за несчастья и темные времена, обрушившиеся на славных и честных людей. Мне казалось, что я смогла убежать от прошлого, спрятаться в реальности, которую упорно создавала для себя день за днем, искренне веря, что вселенная простит мне детскую глупость. Но как бы не так. Как оказалось, она ничего не забывает и играет в жестокие игры с теми, кто так и не осмелился раскаяться.

Моя игра началась в первый же день на новой работе, когда я узнала, что мой босс — Кай Мюллер. Тот самый Кай Мюллер, который однажды просто хотел мне помочь и спасти своего отца. Впрочем, всё началось чуть раньше, когда поздно ночью на меня напали трое отморозков...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	31
Глава 2	41
Глава 3	56
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Катрин Корр

Хорошая девочка

Пролог

Катрин
Корр
«Хорошая девочка»

2026

Пролог

Мне было четырнадцать, когда я застала маму в объятиях отца лучшей подруги моей старшей сестры. Увиденное буквально парализовало меня. Я не могла ни дышать, ни двигаться. И дело не в обнаженной мужской заднице, в которую мама впивалась длинными ногтями, пока её обладатель буйно и живо двигал бедрами, а она, задыхаясь, стонала в его ладонь. И даже не в поразительной растяжке длинных и стройных ног, между которыми он устроился. В четырнадцать лет я знала, что такое секс, и что нужен он, в первую очередь, не для продолжения рода. Меня поразило то, насколько сильно в тот момент я хотела, чтобы Феликс, её жених, застукал их, после чего незамедлительно вышвырнул бы нас на улицу.

Прощай учеба в элитном лицее. Прощай моя красивая комната и дорогая одежда. Прощай всё, что Феликс привнес в мою жизнь, потому что однажды на какой-то тусовке моя мама, к несчастью, ему приглянулась.

* * *

Тремячасамиранее

Семья Мюллер жила в роскошном загородном доме в три этажа, с собственной зоной спа, тренажерным залом и двумя кухнями. Как однажды объяснила Элина Мюллер, одна предназначалась для кулинарных экспериментов и хаоса, а вторая служила витриной безупречной чистоты.

Мы не так часто становились гостями в этом доме, в отличие от Патрис. Она и Доминика Мюллер были неразлучны — лучшие подруги и однокурсницы. Моя старшая сестра часто оставалась здесь ночевать, прикрываясь подготовкой к экзамену или зачету. Но я-то знала, что это был лишь предлог, чтобы быть поближе к Каю, брату Доминики.

Когда же мне выпадал шанс ступить на черный с золотом мрамор и ощутить величественность высоких стен, внутри которых я чувствовала себя крошкой, охраняемой могущественными великанами, мне становилось необъятно спокойно на душе. Меня не интересовали отпрыски других приглашенных, общение с которыми сводилось исключительно к обсуждению не знакомых мне людей. Критике подвергалась внешность, стиль, родословная и всё то, что я слышала каждый день от мамы, которая поливала грязью знакомых с за-

видной щедростью.

Мне казалось, ничто не способно пробиться сквозь эти могущественные стены, и что Элина Мюллер, добрая, понимающая и приятная женщина, искренне любящая и ценящая своих детей, прогонит прочь любого, кто посмеет сделать то, что было неправильным. То, что порой мне самой, к несчастью, приходилось делать.

Дмитрий Мюллер, глава семьи и компаньон Феликса, ставший им чуть больше года назад, забрал у Патрис норковую шубу, потом подошел ко мне и с доброжелательной улыбкой забрал мою. Он был старше Феликса, и его лицо из-за легкой сетки морщин под глазами казалось добрым и бесхитростным. Его улыбка всегда убеждала меня в том, что он хороший отец.

— Добро пожаловать в наш дом! С наступающим, девушки-красавицы! — обняла каждую из нас Элина, а потом, подхватив маму под руку, словно считала её близкой подругой, махнула нам с Патрис. — Проходите! Будьте как дома!

Мы все направились в просторную и светлую гостиную с камином и огромной ёлкой, у которой стояла целая гора подарков. От увиденного у меня перехватило дыхание. Словно вырванная страница из глянцевого журнала!

У высокого панорамного окна во всю ширину стены располагался красивый прямоугольный стол на двадцать четыре персоны, декорированный длинными золотыми свечами в белых подсвечниках, большими новогодними шарами и жи-

выми ветками ароматной пихты, в которых, как крошечные светлячки, горели белые лампочки.

— Обалдеть! — озвучила мои мысли Патрис, оглядев масштабы новогоднего декора в самой красивой, теплой и уютной гостиной, в которой мне приходилось бывать. — Элина снова постаралась.

— Патрис! — воскликнула Доминика и набросилась на нее с объятиями. — Платье шикарное! Привет... мелкая, — подмигнула она мне из вежливости и увела мою сестру за собой.

Доминика никогда не называла меня по имени, просто потому, что не знала его. Я не представляла для нее особого интереса. Они с Патрис были второкурсницами и считали себя самыми крутыми девчонками в университете, на которых хотели ровняться простые смертные — бюджетники, преимущественно из маленьких городов.

«Они смотрят на нас, разинув рты, представляете? — часто рассказывала она, словно это великое достижение, о котором не стоило забывать. — Знаете, как в тех дурацких американских комедиях, которые были популярны лет тридцать назад. Выглядит это жалко».

На мне было красивое темно-зеленое платье в пол с длинными рукавами и высоким воротничком. Усеянное кристаллами и блестками, оно светилось на мне так же ярко и изысканно, как эта ёлка в гостиной, наряженная со вкусом и олицетворяющая особенное настроение и эстетику Нового года.

Я вежливо поздоровалась с гостями и подошла к камину, в котором горели поленья. Мама с Элиной стояли неподалеку в компании общей знакомой, которая восхищалась непревзойденным вкусом Элины. Я смотрела на огонь, ласкающий обгоревшие деревяшки, слышала комплименты в адрес хозяйки и представляла, что где-то в далеком будущем стану такой, как она. Буду жить в красивом и большом доме, наряжать его к праздникам и ждать гостей, среди которых не будет никого вроде моей мамы. Она по-своему хорошая, просто лучше не иметь в своем окружении подобных ей.

— Ох, боже, Кай! Что это? — тихонько возмутилась Элина, и я повернула голову. — Я ведь просила тебя не опаздывать. Где ты был?

— Я ведь уже здесь, — улыбнулся Кай Мюллер и обнял маму. — Не злись, не суетись.

— Боже мой, Кай! — засветилась моя мама, оглядев его крепкие руки, обтянутые хрустящей тканью белой рубашки. — Ты из тренажерного зала не выходишь, что ли?

Снисходительно глянув на мою маму с высоты своего роста, Кай Мюллер усмехнулся и ответил:

— Выхожу. Пописать.

— Кай! — толкнула его Элина в плечо и зарделась, а он только засмеялся.

Я не заметила, что улыбаюсь. Лишь когда взгляд Кая задел меня в мимолетном полете, я осознала, что пялюсь на него, и незамедлительно перевела глаза на огонь.

Кай Мюллер был негодяем. По крайней мере, так неустанно твердила Патрис, а она, как считала сама, разбиралась в мужчинах даже лучше, чем наша мама. Его высокий рост унаследован от отца, а волосы, отливающие угольной синевой, явно достались от матери. Элина же, в свою очередь, смягчала этот темный и густой оттенок тонкими светлыми прядями, что придавало её образу особую легкость.

Дерзкий и непокорный вид во многом определяла стрижка, которую предпочитал Кай: слегка взъерошенные пряди на макушке контрастировали с выбритыми висками, создавая образ бунтаря. Хотя я видела его нечасто, одежда на нем неизменно представляла в двух цветах: черном и белом. И, если честно, за тот год, что я знала его, я не могла представить Кая иначе.

Они с Доминикой — королевские двойняшки. Считалось, что такие дети очень похожи друг на друга и отличаются лишь по половому признаку. Но дети Мюллеров, недавно с размахом отметившие двадцать один год, внешне были совершенно разными. Доминика казалась воплощением нежности: волосы цвета платины, словно сотканые из света, обрамляли тонкие и изящные черты лица. Крошечный носик, губки «бантиком» — ангельское создание. Кай же был воплощением несокрушимой крепости. Его лицо было слегка вытянутым и заостренным, а глаза глубокого изумрудного цвета обрамляли густые и черные ресницы, которым можно было только позавидовать. Когда он улыбался, острые ску-

лы, обтянутые гладкой кожей, казалось, могли прорезать её. Если же ситуация не располагала к демонстрации белоснежной улыбки на миллион долларов, то внимание приковывали широкие, густые брови, придающие взгляду интригующе высокомерный вид.

Патрис никогда не говорила об этом, но я не сомневалась, что Кай пользовался большим авторитетом, как в университете, так и за его пределами. Такой, как Кай, неизбежно привлекал внимание и был желанным для многих девушек. Казалось, у него всегда находились нужные слова, а чужое мнение его мало волновало. Он точно мог позволить себе опоздать куда угодно, даже на праздник, который так старательно готовила его мама. Ведь его улыбка и взгляд, полные тепла, любви и преданности, могли растопить любое негодование и усмирить даже самую бушующую злость. И это всё в образе привлекательного негодяя.

— И почему ты здесь совсем одна?

Феликс появился из неоткуда. Его духи всегда щекотали мне нос. Слишком пряные и сладкие. Я ненавидела этот запах.

— Нравится смотреть на огонь, да? Языки пламени внушают спокойствие.

— Наверное.

— Если хочешь, мы и в своем доме такой поставим.

Мой взгляд распахнулся, как крылья бабочки, которой очень хотелось улететь, но она не знала, как и куда.

— А у нас будет дом? — спросила я.

— Конечно будет. У нас ведь уже большая семья. Очень надеюсь, что после свадьбы мы с твоей мамой сделаем её ещё больше.

Я изобразила улыбку и вновь взглянула на огонь. Меня раздражала привычка Феликса говорить со мной, как с ребенком. Это было как-то ненормально. Но за последние несколько месяцев я поняла, что он делал это, только когда рядом с нами никого не было. Когда мы оставались наедине. Когда его слышала только я.

— Тебе очень идет это платье.

Платье.

— Ты светишься в нем, как звездочка.

Ничего не сказав, я поспешила к маме, но она меня даже не заметила. Её внимание похитила одна из подруг Элины: она с упоением рассказывала о поездке в Берлин на концерт известной поп-группы.

— Севиль, милая, иди-ка сюда! — улыбнулась мне Элина и взяла меня за руку. Её прикосновение — настоящее спасение, глоток свежего воздуха. Она повела меня через всю гостиную к ёлке. — Прости, милая. Тебе, должно быть, скучно в этой компании.

— Ну что вы, — покачала я головой. — Это вовсе не так.

— К сожалению, многие из наших друзей, у кого есть дети-подростки, решили отметить Новый год там, где нет снега, и солнце плавит пушистые макушки пальм! — засмеялась

она, поглаживая меня по руке. — А моя дочь с твоей сестрой — вредные девицы. На своей волне.

— Не беспокойтесь понапрасну: я не горю желанием общаться с сестрой ещё и здесь. Мне её и дома хватает.

Элина засмеялась, и я в который раз ощутила исходящее от нее тепло. Моя мама совсем не такая. На мгновение я позавидовала Доминике. Впрочем, нет. Отнюдь не на мгновение.

— Знаешь, Севиль, каждый раз, когда нам удастся немного пообщаться, ты поражаешь меня тем, насколько ты вежлива и тактична для своих лет. У меня создается ощущение, что я беседую с достаточно взрослой и мудрой девушкой. Не понимаю, — улыбнулась она, — разве все четырнадцатилетние девочки сейчас такие?

— Не хочу показаться хвастуньей, но, думаю, я такая единственная в своем роде.

— Ты меня просто убиваешь!

— Вы мне льстите.

— Продолжай в то же духе! — смеялась она, с интересом разглядывая меня.

— Не знаю, что сказать. Я самый обыкновенный подросток, который ведет активную борьбу с высыпаниями на лице и залипает в TikTok.

— То, какая ты уже сейчас, — заслуга твоей мамы. Она воспитала тебя чудесной девочкой, — сказала Элина, глядя на меня с нескрываемой гордостью. — Мне всегда очень

приятно и интересно общаться с тобой.

— Я тронута, — сказала я, проглотив подступавший ком к горлу. Мне так нравилось держать её за руку и вдыхать мягкий и невероятно уютный аромат, осевший невидимой пылью на кашемировом платье. Я любила маму, но она, кажется, никогда не вызывала во мне ничего подобного. — Поверьте, мне тоже всегда приятно беседовать с вами и быть гостьей в вашем замечательном доме. Я такой сказки никогда не видела.

— Ох, боже! — вздохнула Элина и часто заморгала. — Ты меня вот-вот до слез доведешь! И, чтобы этого не случилось, предлагаю отвлечься на подарки. Смотри, — наклонилась она к небольшой коробочке в розовой обертке с белым бантом. Протянув её мне, Элина сказала: — Это для тебя, Севиль. От нашей семьи.

— Элина, не стоило этого делать! — вздохнула я, тронутая её заботой. Мне показалось, что о содержимом коробочки знала только Элина, а значит, к выбору подарка для меня она подошла с особой скрупулезностью. — Я не ожидала такого. Мне очень приятно, правда.

— Могу я попросить тебя кое о чем?

— Конечно. Всё, что угодно!

Элина засмеялась.

— Открой его, когда будешь дома. Маленький и приятный момент перед сном.

Это прекрасная идея. Скорее всего, этот маленький и при-

ятный момент перед сном мне очень понадобится.

— Хорошо, — закивала я, сгорая от любопытства. — Я так и сделаю.

* * *

Я чувствовал, что с ними что-то не так. Они не в порядке. Мое предчувствие никогда меня не обманывало.

Сколько бы я ни уговаривал отца держать дистанцию с работниками, всё было тщетно. Ощущая свое превосходство, которое лишь изредка превращалось в наглость и высокомерие, он сам не замечал, как те садились ему на шею. Подчиненные ловко пользовались его добротой, пониманием и, честно говоря, глупой верой во второй шанс. Вместо того чтобы держать дистанцию, он с удовольствием обедал с ними, подвозил домой, а иногда даже приглашал в наш дом, считая это проявлением доброты и великодушия. И я всегда считал, что это неправильно, ведь для них он — прежде всего руководитель, а не приятель, с которым можно пропустить пару стаканчиков на выходных. Добром это не кончится.

— Ну, что, Кай? Как успехи в хоккее? Твой отец только и говорит, что о твоём таланте. Честно говоря, он опасается, что ты выберешь спорт, а не бизнес.

С первой же встречи этот петух внушал недоверие. Его улыбка, словно маска, мелькала слишком часто, без видимого повода. В избыточном оптимизме я улавливал тревожный звоночек. Я тогда подумал: «Он точно ненормальный».

— Бизнес у меня в крови. А хоккей — любимое хобби.

Лед, клюшка и шайба позволяют избавиться от негатива. К сожалению, он прилипает порой, как собачье дерьмо к подошве.

— Понимаю. Мне это знакомо.

— Разумеется, знакомо, Феликс. Разумеется.

Потому что ты есть это дерьмо.

Лучше бы встретили Новый год как раньше — тихо, по-домашнему, в кругу самых близких, а не с этой ордой подхалимов. Жаль, что мама тратит свои силы на людей, которые, вероятно, уже завтра будут её обсуждать и критиковать по пустякам.

— А ты разве не собирался встретить Новый год со своей девушкой?

Этот тип всё ещё стоял рядом. Если бы я был в городе, а не за тысячи километров, когда отец решил связаться с ним, я бы приложил все усилия, чтобы не допустить этого. Никаких совместных планов, проектов и уж тем более бизнеса.

В этом человеке меня отталкивало всё: от нелепой фамилии до столь же нелепой семьи. Феликс Малютка. Будто голова злого пса на цепи с тельцем общипанного цыпленка. Для меня до сих пор оставалось загадкой, почему отец вложился в его бизнес-идею, да ещё и сделал этого пресмыкающегося своим компаньоном без стартового капитала. Пожалуй, это было самое неразумное решение в его жизни. И самое удивительное, что мама охотно на всё это согласилась.

Впрочем, судя по тому, что я вижу, на нее повлияли эти

три особы: одна тихоня-малолетка, другая — хвастунья, которая заделалась лучшей подругой Доминики и кажется, уже почти переехала в наш дом, и их мамаша с силиконовыми формами. Мать-одиночка, сумевшая поставить на ноги двух дочерей, и это не имея никакой финансовой и моральной поддержки. Прямо бедная труженица и неунывающая мать, ставшая ею в шестнадцать лет по большой и искренней любви.

К сожалению, моя мама любила такие истории. Она восхищалась искрометной силой духа женщин с непростой судьбой, вот только эта Аглая не имела с ними ничего общего. И меня по-настоящему поражал тот факт, что это понимал лишь я один.

— Нет, Феликс, — ответил я на его вопрос, заметив маму с его приемной малолеткой у ёлки, — не собирался. Я рассчитывал на уютные семейные посиделки без лишнего шума, но моя мама предпочла другой вариант. К сожалению.

— Твоя мама удивительная женщина. Прекрасная мать и хранительница домашнего очага, — говорил подлиза, пока я наблюдал за его девчонкой, которой мама вручила небольшую подарочную коробку. — Как мило с её стороны, — кивнул он в их сторону, — сделать подарок моей падчерице. Она чудесная девочка. Очень послушный ребенок.

Не знаю, что именно промелькнуло в его голосе, но мне это совсем не понравилось. Мне было противно находиться с этим типом в одной плоскости, впрочем, как и с теми, кто

не был моей семьей, так что я, молча и незаметно для мамы, прошмыгнул к выходу, набросил пиджак и вышел на задний двор.

Морозец пощипывал щеки, а темное небо роняло редкие снежинки. Я, как и последние несколько месяцев в тайне от мамы, закурил и достал из кармана брюк мобильный. Экран засветился множеством непрочитанных сообщений, но мой взгляд сразу же устремился к чату с Лекси.

Сообщение, которое она отправила мне час назад и которое я сразу прочитал, снова вспыхнуло горячим фото. Её обнаженное тело ласкал приглушенный желтый свет напольной лампы, а тонкая красная мишура едва ли скрывала гладкий треугольник и упругие груди. Я втягивал сигаретный дым и представлял, как снова и снова погружаюсь в эту чертовку, которой совсем меня не жаль. Два часа назад мы трахались в её квартире, и она опустошила мои яйца до последней капли. Но стоило мне взглянуть на манящее и податливое тело, как кровь тут же прилила в пах.

За ужином я думал о Лекси. Пока стол засыпали тосты, а шампанское проливалось на салаты и горячее, я мечтал скорее подняться к себе и позвонить этой шаловливой девочке. Она была настолько раскованной, что могла устроить мне приватное видео-шоу крупным планом, от которого воспламенялись все мои двигатели. Это как порно, созданное исключительно для меня.

Поглощенный своими фантазиями, от которых уже стра-

дал мой окаменевший член, я вдруг понял, что надолго потерял связь с реальностью. Еда в тарелке не уменьшилась, а сотрудники кейтеринга уже подавали второе горячее. Пока я просил объединить два блюда на одной тарелке, мой взгляд зацепился за младшую падчерицу Феликса. Она сидела напротив, между ним и своей матерью, чье ярко-красное платье идеально сочеталось с помадой на её полных губах.

Имя этой девчонки я так и не запомнил, хотя мама часто его упоминала. Кажется, она была в восторге от её воспитания или чего-то в этом роде. Я не из тех, кто держал в голове ненужную информацию. Но в этот раз, впервые обратив внимание на эту девчонку, я сам не мог понять, почему её поведение так меня поразило. Она сидела с идеальной осанкой, почти не двигаясь, что резко выделялось на фоне общей суеты. Она не смотрела на гостей, не разглядывала всё вокруг, не обращала внимания на еду — казалось, она вообще ничего не воспринимала. Она просто сидела, словно послушный механизм, ожидающий команды, чтобы, например, почесать свой нос.

Время шло. За столом нарастали смех и разговоры, а до боя курантов оставалось менее двадцати минут. Я, допив рокс с виски, поднялся из-за стола, чтобы немного пройтись и позвонить другу.

— Ужас, правда?

Опьяневшая подружка Доминики, наконец, осмелилась заговорить со мной. Она постоянно мелькала у меня перед

носом с такой же дурацкой улыбкой, что и у её недоразвитого отчима. А они точно не родственники?

— Что именно?

— Да это всё! — засмеялась она, кивнув в сторону стола. — Родители и их друзья, разговоры о политике и экономике. Пф! Как будто нет развлечений поинтереснее. Я бы, например, не отказалась от громкой музыки и танцев.

— Так в чем проблема? Закажи такси и отправляйся в клуб.

— А ты бы поехал со мной?

Мой взгляд говорил красноречивее слов: «Ты точно не та, с кем я хотел бы поехать в клуб».

— Останешься дома после полуночи?

— От моего ответа зависят твои планы на эту ночь? — спросил я с откровенным смешком.

— Ещё не знаю, — ответила она, подойдя ко мне ближе. — Ещё не решила.

— Может, тебе стоит подойти к сестре? — кивнул я на девчонку, которая сидела всё с тем же вежливым, но отстраненным выражением лица. — По-моему, как раз для нее происходящее и есть ужас.

— Она всегда такая. Жизнь для подростков — всегда сучка смертная.

— Звучит так, словно тебе на нее всё равно.

— Кай, — улыбнулась Патрис и очертила медленным взглядом линию моего плеча и шеи, — ей четырнадцать. Она

глупая и упрямая вредина. Станет чуть старше, тогда и поговорим. Так что насчет клуба?

Отец действительно пригласил всех обратно за стол, избавив меня от надобности отвечать. Его благодарственная речь уходящему году, казалось, не имела конца. В итоге мама, не в силах больше слушать его, решительно распорядилась:

— Дорогие гости, немедленно допиваем шампанское, чтобы под бой курантов наполнить бокалы новым!

Доминика раздала каждому по бумажке с карандашом и предложила написать желание, чтобы потом сжечь его и выпить пепел с шампанским. Идею поддержала лишь женская половина присутствующих.

— Можно подумать, мужчины ни о чем не мечтают! — усмехнулась Аглая и подмигнула моему отцу.

— Почему же сразу не мечтают? — рассуждал её благоверный неприятным, как скрип голосом. — Мы просто понимаем, что всякое наше желание мы в силах исполнить сами. И хотя очень часто это дается нам с большим трудом, мы всё равно знаем, что справимся.

— С очень большим трудом! — поддержали его единомышленники.

— Это потому, что вы не умеете быть чуточку наивными! Не бойтесь мечтать! — продолжала Аглая и взглянула на меня. — Кай, ну же! Сделай это!

— Наивный мужчина — горе в семье. Пусть это останется прерогативой женщин. В их случае, это почти безобидно.

Доминика послала мне недовольный вздох через весь стол, а мама — воздушный поцелуй. Под бой курантов все мечтательницы начали шустро расписывать свои заветные желания, пока мужчины сбивали их с толку своей болтовней. Кроме этой четырнадцатилетней девчонки. Бумажка и карандаш так и лежали рядом с её тарелкой.

— А ты почему не пишешь вместе со всеми? — спросил её Феликс, чуть наклонившись. — Разве ты ни о чем не мечтаешь?

Девчонка слегка качнулась. Она словно инстинктивно отшатнулась от своего отчима. Я повнимательнее пригляделся к ней: темно-зеленое платье обволакивало узкие и хрупкие плечи, лебединую шею и округлую, маленькую грудь, как вторая кожа. Длинные рукава доставали почти до самых кончиков пальцев, которые невесомо лежали на краю стола. Густые каштановые волосы спускались длинными и волнистыми прядями, а легкая челка слегка спадала на глаза. Я подумал, что через пару лет она превратится в красивую девушку, а чуть позже — в настоящую соблазнительницу. И от этих мыслей вдруг сделалось как-то тошно. Ей всего-то четырнадцать лет!

— Ну же, — настаивал Феликс, протянув ей карандаш. — Загадай желание.

— Мое желание способно исполнить только время, а не какая-то глупая бумажка, — ответила она, удивив меня взрослой осознанностью.

Зазвучала торжественная музыка, громкие хлопки вылетающих пробок пронесли в воздухе. Фонтаны шампанского заливали стол и бокалы, поздравления сыпались вместе с конфетти и серпантинном, а та девчонка продолжала сидеть ровно, как робот. И только её глаза с затаившейся детской надеждой пробегали по лицам присутствующих. На мгновение мне показалось, что она ждала, когда хоть кто-нибудь просто обнимет её.

* * *

Мама вспомнила обо мне из-за Элины. Хозяйка дома подошла ко мне, чтобы поздравить с наступившим Новым годом, а она не могла не привлечь к себе её внимания.

— Доченька, всего тебе самого наилучшего! — пожелала мама, погладив меня по щеке. Элина стояла рядом и смотрела на нас с улыбкой. — Моя красавица. Я так тобой горжусь!

— С Новым годом, мама.

Чувствуя, что на очереди был Феликс, я поинтересовалась у Элины, как мне пройти в туалет. За эти несколько часов, проведенных за столом рядом с ним, я чувствовала себя слишком измотанной. У меня онемела задница, а в ногах словно бегали муравьи.

Элина вызвалась меня проводить, чему я была очень рада. Мне совсем не хотелось, чтобы вместо нее был кто-то другой, и в особенности Феликс, который не упускал возможности проявить свою отцовскую любовь и заботу.

— Это ничего, что вам пришлось оставить гостей ради

меня?

— Ну, что ты! — засмеялась Элина. — Им там и без меня хорошо. Да и мне тоже нужно освежиться. Я поднимусь к себе ненадолго, дорогу обратно ведь найдешь?

— Думаю, справлюсь.

Но я этого не хотела. Вернуться в гостиную — значит снова сидеть за столом и слушать все эти странные и скучные разговоры. Смотреть, как мама притягивает к себе мужские взгляды, как сестра не сводит глаз с брата Доминики, и чувствовать колено Феликса, то и дело упирающееся в мою ногу. Как бы холодно и отстраненно я ни вела себя, он всё равно хотел касаться меня.

Я провела в туалете достаточно времени, чтобы Элина успела спуститься к гостям. Не желая, чтобы она вернулась за мной, я осторожно приоткрыла дверь из толстого черного стекла. Убедившись, что поблизости никого нет, я прошмыгнула в просторный холл, а затем в длинный, напоминающий служебный коридор. Освещение было тусклым, вдоль стен стояли пакеты и пустые коробки. В конце коридора находилась узкая лестница на второй этаж, но я решила не рисковать, блуждая у хозяйских покоев. Вместо этого я тихонько отворила светлую дверь и оказалась в просторном помещении, разделенном на секции высокими железными стеллажами.

Внутри было прохладно, а бело-голубой свет лился из длинных светильников, освещая лишь полки с закатками.

Тут были и огурцы, и помидоры, и варенье, и грибы, и...кто-то ещё.

Замерев, я прислушалась к звукам, исходявшим из дальней и почти неосвещенной части холодной комнаты.

— Возьми меня, — слышался лепет моей мамы, — возьми меня сейчас же.

Я осторожно двинулась вперед, хотя понимала, что должна немедленно уйти. Но что-то подсказывало мне, что с мамой сейчас был вовсе не Феликс. Я не раз заставляла её с другими мужчинами, а однажды — даже не с одним. В те разы я спешно исчезала, а сейчас мной двигало любопытство, ведь мы находились в гостях у Мюллеров. Здесь тринадцать мужчин, и одного из них она соблазнила.

Кого же?

Спрятавшись за последним стеллажом и высокими банками с консервированной кукурузой, я увидела, как хозяин дома, супруг Элины — Дмитрий Мюллер, совокуплялся с моей мамой. Она лежала на широком металлическом столе, раздвинув перед ним длинные и стройные ноги, как балерина в прыжке. Его брюки держались на коленях, а голый зад двигался взад-вперед так бодро, что стол постепенно отъезжал с места.

Мама ещё никогда не была так близка к разоблачению. Я могла бы позвать сюда Феликса. А впрочем, можно позвать Элину, чтобы поднялся шум на весь дом. И Феликс бы выставил нас из своей квартиры, порвал бы все связи с мамой

и, соответственно, со мной.

— Ты ведь всегда этого хотел? — задыхалась мама. — Всегда хотел трахнуть меня?

Её женатый любовник ничего не ответил. Продолжая двигаться, он зажал ей рот ладонью и опустил голову, словно понимал, что совершает плохой поступок, но остановиться уже не представлялось возможным.

Преисполненная надеждой, я бесшумно покинула комнату. Легонько закрыв дверь, я резко развернулась, намереваясь скорее сообщить обо всем Элине, но врезалась в стену, которая пахла знакомо и неприятно.

— Феликс! — воскликнула я, отскочив от него.

— Ты что здесь делаешь, милая? Заблудилась?

Мой подбородок невольно вздрогнул. Мне было так просто взять его за руку и увести в ту комнату, чтобы он своими глазами увидел, как развлекается его невеста. Но его ладонь, нежно коснувшаяся моего лица, а затем ласково скользнувшая по шее, напомнила мне о том послушании, которое я должна была проявлять.

— Севиль, — сказал он, любуясь моим лицом, — сегодня ты словно расцвела. Такая маленькая взрослая девочка. Я не успел поздравить тебя, — подошел он совсем близко, и я, подняв на него глаза, мгновенно получила в ответ глубокий вздох. — Ты ведь не против, если я сделаю это, когда мы вернемся домой?

Потемневший взгляд синих глаз скользнул по моим губам,

а рука на шее стала медленно спускаться к груди.

— Ты очень красивая, Севиль. Очень красивая и покорная...

— Что вы здесь делаете? — раздался низкий и разрушающий пространство голос Кая.

Его тяжелые и быстрые шаги возвращали меня в реальность, где за дверью была моя мама и его отец, а я всё ещё никому не сообщила об этом.

Феликс отошел от меня. Кай, который был выше него на две головы, встал между нами и требовательно глядел то на меня, то на него.

— Мне повторить вопрос?

— Кай, я просто искал свою падчерицу, — улыбнулся Феликс. Он всегда улыбался, даже когда рушились его планы. — Я забеспокоился. Она ушла в туалет, и её долго не было. Оказалось, бедняжка просто заблудилась. Ну что, милая, пойдем обратно?

— Стоять! — вдруг приказал Кай твердым голосом.

Это было что-то новое для меня: такое неповторимо грозное звучание, которым хотелось укрыться, как одеялом. Я не могла найти объяснения этому чувству.

Смерив Феликса мрачным взглядом, Кай повернул ко мне голову и требовательно спросил:

— Это правда? Ты заблудилась?

Я знала, что у него глаза цвета изумрудов, но не могла представить, что злость способна окрасить их в иссиня-чер-

ный, словно тлеющие угли.

— Что значит — правда ли это? — возмутился Феликс, но всё с той же улыбкой. — Девочка заблудилась, а я...

— Я не с тобой сейчас говорю! — перебил его Кай, резанув жестким взглядом. — Я тебя спрашиваю, — снова взглянул он на меня, — ты заблудилась?

Комок тошноты стал подниматься к горлу. Под натиском сурового взгляда темных глаз я не могла вымолвить ни слова. И потому я молча кивнула.

— Ты пугаешь девочку, Кай. Думаю, тебе стоит немного освежиться.

— Ты язык проглотила? — сурово спросил меня Кай, не обращая внимания на Феликса. — Говорить не умеешь? Или он тебе запрещает?

— Да что ты такое несешь, парень? — встрепенулся Феликс, возмущившись вопросом.

— А ты чего так задержался? — усмехнулся Кай, окинув его наглым взглядом. — Я тебе помешал?

На мгновение Феликс замер. Кай будто стоял у двери, за которой тот хранил самые сокровенные и порочные тайны.

— Кажется, ты немного перебрал, парень, — ответил он совершенно спокойно. — Но это ничего. В твоём возрасте это нормально.

— А знаешь, что ненормально в твоём возрасте? — смотрел на него Кай с улыбкой, от которой во мне пробежала легкая дрожь. — Находиться наедине с четырнадцатилетней

девочкой в безлюдном коридоре, обещать ей приватные поздравления и восхищаться её красотой и покорностью.

У меня перехватило дыхание. Он что, всё слышал?

— Да что ты такое несешь, Кай? — возмутился Феликс, и его круглое лицо стало покрываться алыми пятнами. — Это просто омерзительно!

— Отец ведь много обо мне рассказывал? А он упоминал, что у меня острый слух и зоркий глаз?

— Это же просто нелепо!

— Он пристает к тебе? — вдруг спросил меня Кай. Скорее, налетел, как разъяренный сокол.

— Ты спятил, что ли? — громко задышал Феликс. — Я не потерплю подобных высказываний в свой адрес!

— Ты не должна его бояться! Он — ничтожество. Просто скажи, он делает с тобой то, чего ты не хочешь?

— Это возмутительно! Я этого не потерплю!

— Я помогу тебе, — жестким голосом сказал мне Кай. — Моя семья поможет тебе! Только скажи правду, девочка!

— У тебя белка, что ли?! Ты что себе позволяешь?!

Феликс превратился в пышущий вулкан, который, как бы ни пытался обжечь Кая, никак не мог до него дотянуться.

— Закрой свой рот, ублюдок, — прорычал Кай и одной рукой вдавил Феликса в стену. Он держал его за горло, с силой сдавливая пальцы. Одна часть меня хотела, чтобы он раздавил ему гортань, но другая слишком сильно этого боялась. — Я таких, как ты, насквозь вижу. У тебя рожа лицемерного

и подлого типа, для которого нет ничего святого. А ещё ты педофил. Знаешь, что с такими делают на зоне? Думаю, тебе не понравится.

— Я ничего не сделал! Я ничего не...

Кай лишь усмехнулся и, взяв меня за руку, сказал:

— Я всё слышал, идиот. Слышал и видел.

Едва Кай разжал пальцы на шее Феликса и позволил ему скатиться по стене на пол, дверь, за которой были наши родители, резко распахнулась. Феликс кашлял, жадно хватал ртом воздух, пока не заметил, что в дверном проеме стояла его невеста.

От прически мамы, за которую она отдала огромные деньги, не осталось и следа. Её покрасневшее лицо было испачкано помадой, платье сидело криво-косо, а в больших глазах застыли слезы. Я подумала тогда: «Она всё слышала и теперь её мир разрушился. Теперь она знает правду, о которой я не смела ей сказать».

Я даже хотела броситься к ней и обнять крепко-крепко, чтобы она не расстраивалась и не плакала. Всё было не так уж и страшно... Но рука Кая, сжимающая мои пальцы, источала тепло, отрезвляющее мое наивное сознание: мама никогда не плакала из-за меня, даже когда я угодила в больницу на две недели. За те четырнадцать дней она пришла навестить меня лишь дважды.

—...Фел, — сорвался её надломленный голос, а из глаз посыпались слезы. — Феликс... Любимый, прости... Прости

меня...

Простить? Зачем это?

— Что такое? — с трудом поднялся он на ноги, в ужасе глядя на маму. — Аглая, что с тобой? Почему ты так... вы-глядишь?

«Она изменила тебе, не вздумай её прощать, Феликс! — кричали мои мысли. — Она делала это не раз!»

— ...Кай, — всхлипнула она, нерешительно взглянув на него. — Твой отец... он изнасиловал меня.

Сказав это, мама упала на колени и зарыдала так громко, что её крики, полные невыносимой боли, разнеслись по длинному, мрачному коридору, привлекая всех — хозяев дома, их гостей и сотрудников кейтеринга. Тогда я впервые увидела истинный хаос, который обращает в прах всё, что казалось незыблемым.

Глава 1

1

7 летспустя

Габриель опаздывала уже на сорок минут. Мои сообщения она не прочитала, на звонки не отвечала, а в сети последний раз была пятьдесят три минуты назад.

— Куда же ты пропала? Ты ведь не могла забыть обо мне, правда?

Вздыхнув, я окинула тревожным взглядом длинную и узкую улицу, спускающуюся с холма, вдоль которой сверкали цепочки самых разных увеселительных заведений с сомнительной репутацией: тату-салоны, бары, караоке-клубы, алкогольные магазины, массажные салоны. Здесь принимали клиентов экстрасенсы, гадалки и тарологи, и с успехом вели свою непростую деятельность девушки по вызову.

— Габи, ну где же ты? — процедила я, выбивая нервный ритм ногой.

— Севиль, ты почему ещё здесь? — напугала меня Рита. С помощью маленького пульта она закрыла рольставни своего ресторанчика, в котором я работала последние полтора года, и поставила заведение на охрану. — Мы ведь попрощались ещё полчаса назад. Передумала увольняться?

— Я жду подругу, она задерживается.

— М-м. Ясно.

Рита подошла к своей новенькой трехдверной KIA и, прежде чем открыть водительскую дверцу, как и я, бросила неодобрительный взгляд вниз на сверкающую и шумную улицу.

— Ты своей подруге звонила?

Нет, что ты. Я об этом как-то не подумала.

— Она не отвечает.

— Может, забыла о тебе, или у нее появились другие планы?

— Скорее, второй вариант, — выдавила я улыбку.

— Тогда, почему бы тебе не вызвать такси? — предложила Рита, глянув на меня, как на идиотку.

— Не люблю переплачивать. В этот час поездка обойдется в тридорога.

Рита усмехнулась и распахнула дверцу.

— По-моему, это намного лучше и безопаснее, чем идти одной по этой кошмарной улице. Там одни психи и наркоманы ошиваются.

Как будто я этого не знала. Только всё дело в том, что работы теперь у меня не было, а значит, мне необходимо воздержаться от ненужных трат. Если бы я знала, что Габриель не приедет за мной, как мы договаривались, я бы ещё успела сесть на последний автобус. Но в половину второго ночи они уже не ходят, а значит, единственный вариант покинуть это место — пересечь на своих двоих один из самых опасных и сомнительных кварталов в городе.

— Я бы тебя подвезла, но мне в другую сторону, так что...

— Не стоит. Я разберусь.

— Закажи такси, — сказала Рита, запрыгнув в автомобиль. — Лучше переплатить, чем вляпаться в неприятности.

Когда её крошечная машинка, словно пуля, метнулась к выезду на объездную дорогу — ту самую, где ни пешеходных, ни наземных, ни подземных переходов не было и в помине — я не смогла сдержаться:

— Сучка ты.

Рита, разумеется, обиделась на меня. Ведь я, отдав столько сил увядающему ресторану, доставшемуся ей от бывшего мужа, решила уйти раньше, чем это заведение окончательно пойдет ко дну.

Прежде чем набросить на голову глубокий капюшон черного худи и двинуться в путь, я сделала несколько безуспешных попыток дозвониться до подруги. Хотелось верить, что Габриель не приехала за мной, поскольку действительно забыла о нашей договоренности, а не потому, что с ней могло случиться что-то ужасное. Порой она выжимала на своем Jaguar такую скорость, что от страха у меня леденели конечности. Наверное, поэтому я соглашалась быть её пассажиркой лишь в исключительных случаях.

Ремешок кожаной сумки то и дело сползал с плеча. Я, опустив голову, быстро перебирала ногами, минуя одно шумное заведение за другим. Эта улица была свободна от автомобилей, зато полна стремительных электросамокатов и мото-

циклов. День недели и погода для этого места не имели значения: здесь каждую ночь, и в лютый холод, и в проливной дождь, и в удушающую жару сверкали яркие вывески и играла громкая музыка, привлекая сомнительных, странных, пьяных и пугающих лиц. И все они жаждали наслаждений в том или ином роде.

Когда за моей спиной раздался продолжительный свист, подкрепленный вульгарными комментариями, я инстинктивно ускорила шаг. Даже смешно, что за полтора года работы в ресторане на холме я ни разу не спускалась на эту улицу. Зато вдруг решила сделать это в свой последний рабочий день! А что ещё забавнее, так это отсутствие газового баллончика, который до сегодняшнего дня исправно находился в моей сумке. Этим утром я выложила его, потому что была уверена, что Габриель придет за мной.

«Зачем он мне, — подумала я, оставив его на полке в прихожей, — только место занимает».

— Эй, девочка, ты заблудилась?

Зря я не спрятала волосы под капюшоном.

— Не торопись. Мы с радостью подскажем тебе дорогу!

— Ты куда так спешишь? Останься с нами, красавица.

— Только посмотри, какая у нее попка, — усмехнулся прокуренный мужской голос. — Малышка, сколько ты хочешь за нее? Или нам она достанется бесплатно?

Я почти бежала, а мои глаза в панике искали возможное спасение. Всюду сновали люди: девушки, парни, взрослые

мужчины и женщины. Одни смеялись, другие спорили, третьи курили, пили и танцевали. Трезвых здесь не было. Ни к кому из них даже в столь опасном для меня положении я не посмела бы обратиться за помощью.

— Слушай, да мы хорошие ребята! — следовали за мной неприятные голоса. — Тебе с нами понравится.

— Отвалите! — огрызнулась я и сама не понимаю почему и зачем свернула в узкий и темный переулок.

— Как тебя зовут, лапочка? Куда ты так спешишь? Ну стой же, крошка!

Происходящее напоминало дурной сон или типичную сцену из фильма, где вот-вот появится герой со сверхспособностями и навалит мерзавцам, посмевающим обидеть его любимую. Вот только у меня такого героя не было, и я точно не была кем-то любима.

— Крошка, остановись, — сказал прокуренный голос, и в следующую секунду рука его хозяина крепко схватила меня за плечо. — Давай познакомимся?

— Не трогай меня! — встрепелась я, и моя сумка упала на землю. — Отцепись! Что вам надо? — дышала я часто, в ужасе глядя на троицу окруживших меня отморожков. Мое сердце колотилось в груди, как сумасшедшее, я пыталась убедить себя, что они всего лишь пытаются меня напугать. — Оставьте меня в покое!

— Ну-ну-ну, девочка, — улыбался темноволосый, выдыхая мне в лицо алкогольные пары. Я уже прижималась спи-

ной к кирпичной стене, дрожа от ужаса всем телом. — Ты такая красивая. Такая манящая. Верно, парни?

— Ещё какая! — протянули те. Тот, что справа, сорвал с меня капюшон, а другой тут же намотал мои длинные волосы на руку.

— Как же ты вкусно пахнешь. От тебя веет нежностью. Ты ведь не будешь против, если мы немного насладимся тобой?

Мои зубы громко застучали. Я не могла поверить, что этот кошмар происходил со мной, ведь всего несколько минут назад моя жизнь шла своим чередом. А теперь, в одно мгновение, она может рухнуть навсегда. Снова.

— Пожалуйста, — дрожали мои губы, глаза в панике метались из стороны в сторону, — не трогайте меня. Прошу вас... Я не хочу этого. Пожа... пожалуйста.

— Слышали, парни? — засмеялся темноволосый и вдруг прижался ко мне так сильно, что я ощутила его эрекцию. — Эта неженка совсем не хочет, чтобы мы развлеклись с ней.

— Уйдите! — всхлипнула я и попыталась оттолкнуть его, но те двое схватили меня за руки и развели их в стороны. — Помогите мне! Пожалуйста! На помощь! — успела я закричать, прежде чем темноволосый с силой зажал мой рот шершавой ладонью.

Свободной рукой он залез под худи и сжал мою грудь так сильно, что я взывала от унижительной и обжигающей боли.

— Разверните её лицом к стене и держите ей руки! Я буду первым.

Люди были так близко, всего в нескольких метрах отсюда, но для меня это мало что могло изменить. Музыка нескончаемым потоком лилась из заведений, в воздухе витал алкогольный туман. Никому и дела не было до глухих звуков, которые я издавала, пока ублюдки готовились сделать со мной то, чего я никогда не забуду.

Первый расстегнул мне джинсы, грубо стянул их с бедер вместе с трусами, а потом так больно ударил по заднице, что у меня разом исчезли оставшиеся силы. Я сдалась, перестав дергаться и сопротивляться.

— Вот так, красавица, — шептал первый у меня над ухом, расстегивая свои джинсы. — Умница. Тебе понравится, обещаю.

От этих слов мои мысли невольно унеслись в прошлое. Оно было не столь ужасным, как то, что происходило сейчас, по той простой причине, что я знала, что именно меня ждет. Там я не боялась и чаще всего не чувствовала ровным счетом ничего. Я лишь догадывалась, что делала что-то неправильное. И я хотела остаться в нем, пока всё не закончится, но вдруг старые картины, словно острым лезвием, прорезал громкий и тяжелый грохот.

В следующее мгновение я ощутила удар горячего воздуха. Кожа на запястьях вспыхнула огнем, стоило грязным рукам ублюдков исчезнуть.

— Это ещё что такое? Ты кто такой, а?

Что-то рядом со мной дребезжало, грохотало, но я не сра-

зу поняла, что именно. С трудом дыша, я медленно открыла глаза и тут же сощурилась от потока яркого белого света. Его источником был черный и мощный спортивный байк, урчащий, как большой и хищный кот, в метре от меня. Его хозяин, облаченный в черный мотокостюм, заглушил двигатель, поставил черного двухколесного коня на подножку и спокойно сошел на землю.

— Чего тебе надо, парень? — бросил ему темноволосый. — Эй? Я с тобой говорю! Ты чего приперся сюда? Видишь, мы заняты! Это наша подруга, и мы веселимся!

Мои руки дрожали так сильно, что я с трудом натянула джинсы. Я ощущала, как поднимается стыд. Он словно карабкался по моим внутренностям, выжидая удобного момента, чтобы обрушиться на меня смертоносной лавиной.

Человек, чье лицо скрывал непроницаемо черный шлем, молча подошел к темноволосому. Он выглядел как супергерой: высокий, мощный и устрашающий, в жестком костюме с броней. Игнорируя вопросы ублюдка, смешанные с ругательствами, он медленно повернул ко мне голову, и в отражении непроницаемо черного визора я увидела себя: напуганную и униженную. Жалкую.

Темноволосый всё распинался, а его подручные встали у байкера за спиной. И хотя он был намного выше и мощнее этих шавок, всё же, их было трое, а он — один.

— Это твои друзья? — спросил он меня.

Я отрицательно покачала головой, и мои зубы вновь за-

стучали. От переполнивших меня чувств я не могла произнести ни слова, хотя отчаянно хотела закричать и рассказать ему, что эти трое хотели сделать со мной. Впрочем, думаю, догадаться не сложно, учитывая, в каком именно виде он застал меня с ними.

— Тебе что, жить надоело? — не унимался темноволосый и подошел к байкеру так близко, что ему пришлось задрать голову. — Садись на свою балалайку и катись отсюда, пока я из тебя всю дурь не выбил!

— ... Не уезжай! — сорвалось с моих губ. — Пожа... пожалуйста, не оставляй меня с ними.

— Заткните этой сучке рот! — приказал темноволосый, и в следующую секунду взвыл от боли, получив головой байкера по лицу. Точнее, его шлемом. — Какого черта?! Я убью тебя, сука!

Я такое видела только в кино: супергерой, защитник, рыцарь в доспехах — он с легкостью наносил удары, втапывая троицу в землю и превращая их лица в кровавый фарш. Он двигался так свободно и непринужденно, но при этом источал смертоносную силу. Завораживающее зрелище, как танец, от которого его враги теряли зубы.

— Ещё раз здесь увижу, ещё раз вам захочется "поразвлекаться" — закопаю живьем, — сказал он напоследок трем избитым до полусмерти телам, валявшимся на земле. Он поднял мою сумку и протянул её мне. — Твоя?

Я кивнула и забрала её дрожащей рукой.

— Садись, — указал он рукой в перчатке на свой байк. — Я увезу тебя отсюда.

Глава 2

2

Никогда прежде мне не доводилось быть пассажиркой двухколесного транспорта с рычащим двигателем. Прижмась к спине незнакомца, как коала к единственному дереву на выжженной земле, я осознала, что это уже второй случай за одну ночь, когда со мной происходит что-то впервые.

Теплый ветер ласкал мое лицо и гладил волосы, будто утешая, обещая, что все опасности остались позади. Мой спаситель, спасибо ему за это, не пытался впечатлить меня бешеной скоростью своего железного друга, как и искусным мастерством вождения. Он просто ехал, увозя нас подальше от улицы, на которую я больше никогда в жизни не ступлю ногой.

Приятный звук двигателя избавлял от хаоса в моей голове. За минуту до того, как байк плавно остановился у одной из лавочек городской набережной, протяженностью в четыре километра, я осознала, что не хочу разжимать руки. Мне хотелось продлить минуты, наполненные чувством бесконечного спокойствия и безопасности. Но не тут-то было.

Поставив байк на подножку, мой спаситель помог мне слезть с него. Моя голова была словно в тумане. Когда незнакомец смахнул вверх темный визор и посмотрел на меня, я увидела его темно-серые глаза в обрамлении пушистых ко-

ричевых с золотом ресниц. Тот стыд, что терпеливо ждал своего часа, наконец, сбил меня с ног, напомнив, в каком именно виде этот парень увидел меня несколько минут назад. И это было ужасно. Чертовски ужасно!

Я опустила голову, спрятала лицо в ладонях и села на лавочку, испытывая почти физическую боль от пережитого унижения.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось столкнуться со всем этим дерьмом, — сказал он, сев рядом. — По-хорошему, ты должна сообщить о случившемся в полицию и написать на них заявление. Так будет правильно.

— Правильно то, что ты сделал с ними. Не думаю, что они рискнут тебя послушаться.

Он промолчал. Набравшись немного смелости, я опустила руки на сумку и тихо сказала:

— Спасибо. Если бы не ты... Для меня бы всё закончилось плохо.

— Ты не местная, да?

Я растерялась. Кажется, моя благодарность для него ничего не стоила.

— Почему ты так решил?

— Оказаться в два часа ночи одной на самой опасной и гнилой улице города можно либо по не знанию, либо по глупости.

Я взглянула на него. Шлем облегал его лицо идеально, скрывал всё, кроме темно-серых глаз и широких бровей.

Мысленно я пыталась дорисовать его профиль, но тут он повернул ко мне голову и спросил:

— Так я прав?

— Нет, — покачала я головой и даже улыбнулась. Честно говоря, его прямолинейность обезоруживала меня. — Вообще-то, я родилась в этом городе.

— Тогда я ничего не понимаю. Как ты там оказалась?

— Сама не знаю. Точнее, просто не могу понять, как и зачем всё так сложилось.

— И как же именно всё сложилось?

У него был приятный взгляд. Серьезный, вдумчивый и непривычно для меня прохладный. На мгновение я утонула в нем.

— Разумеется, если это не секрет, — добавил мой герой и разорвал зрительный контакт.

— Я сегодня отработала последний день в ресторане «Свеча» на холме.

— Я бывал там. Плов очень вкусный.

Не знаю, почему, но у меня вдруг приятно вздрогнуло что-то внутри.

— Да, именно пловом он и стал знаменит. Правда, когда шеф-повар покинул ресторан, это блюдо перестало радовать гостей. Как и всё остальное, что есть в меню.

— И ты поэтому уволилась? — спросил он, вновь взглянув на меня. — Из-за отвратительного меню?

Мне показалось, что он улыбался: от уголков глаз тяну-

лись неглубокие морщинки.

— Ресторан скоро закроется. С каждым месяцем гостей всё меньше, негативных отзывов всё больше, и за каждый из них отвечают сотрудники. Мне осточертела вся эта обстановка постоянного прессинга, так что я решила уйти. К тому же меня напрягало местоположение ресторана. Чтобы добраться до центра города, нужно либо идти пешком по этой проклятой улице, либо в другую сторону до самой объездной дороги, а там долго топать до автобусной остановки. Зимой на такси можно разориться, поскольку автобусы ходят только до полуночи, а я заканчивала не раньше часу ночи... Это совсем не интересно слушать.

— Разве летом у автобусов не меняется расписание?

— Да, они ходят до половины второго ночи. Сегодня я бы успела на последний, но понадеялась на подругу, которая обещала заехать за мной. Я так и не дождалась её, так что в первые в жизни пошла вниз по той...улице. Я знаю, о чем ты думаешь. Да, — из меня вырвался короткий и нервный смешок, — мне всё же стоило вызвать такси. Но я зажмотила две тысячи за что и поплатилась.

— Две тысячи? — удивился он. — Ты что, живешь за городом?

— В том-то и дело, что нет. Ехать всего ничего, но ценник на такси космический.

— Ясно. Так вот значит как всё сложилось.

— Угу.

— Полагаю, ты много раз звонила своей подруге?

— Очень много.

— И всё безуспешно.

— Именно.

— Может, у нее что-то случилось?

— Надеюсь, ничего серьезного. Хочется верить, что у нее случился парень.

— Не понял?

— Да это в общем-то не слишком интересно.

— И всё же.

Я чувствовала себя очень странно: взволнованно, зажато и с примесью стыда. Разговор, касающийся самых простых и обыденных вещей, медленно, но верно, втягивал меня обратно в привычную реальность. Вот только вела я его с совершенно незнакомым человеком, о котором знала лишь одно: он был смелым и отважным, как рыцарь, сошедший со страниц волшебной сказки.

— Она тут на днях познакомилась кое с кем, и он ей понравился, — ответила я после продолжительного молчания.

— Не знаю, может, он предложил встретиться, и она от радости просто забыла о нашей договоренности. Честно говоря, я хочу, чтобы именно так и было. В ином случае, с ней и правда могло что-то случиться.

— Как и с тобой.

В серых глазах, что смотрели на меня лишь пару секунд, прежде чем устремиться в сторону, я увидела себя у кирпич-

ной стены с голой задницей. Стыд сдавил шею невидимой рукой, тошнота подступила к горлу.

—...Да. М-м, позвоню ещё раз. Может, сейчас она ответит на звонок.

— Давай, — поднялся он на ноги. — Я пока схожу вон к тому ларьку и возьму воды. Хочешь чего-нибудь?

— Воды будет достаточно, спасибо.

Гудки в трубке сменяли друг друга, пока мой взгляд неотрывно следил за удаляющимся незнакомцем. Его уверенная, негибкая походка, усиленная силуэтом защитного костюма, по-настоящему завораживала. Я с отвращением подумала о тех подонках, что остались лежать в темном переулке в лужах собственной крови, и поймала себя на мысли, что, как бы ужасно всё это ни было, я бы с удовольствием ещё разок посмотрела на то, как этот бесстрашный парень ломает им кости.

— Севиль! — вдруг раздался взволнованный и громкий голос Габриель. — О, боже! Наконец-то!

— «Наконец-то»?

— Я не понимаю, что за чертовщина творится сегодня?! Я застряла в лифте на два часа, а когда какой-то урод на грузовике перекрыл мне выезд с парковки, я обнаружила, что потеряла телефон!

— Ты провела в лифте два часа?

— И потеряла телефон! Боже, что за день-то такой?

— Но ведь ты его нашла? Звонишь-то ты с него?

— Да! Представь себе, я только что его нашла благодаря твоему звонку! Под собственной машиной! Как такое возможно, я не понимаю! Я ведь везде смотрела... Какой-то идиотский день, у меня всё из рук валится. Умоляю, скажи, что ты уже дома?

Мои глаза устремились к герою сегодняшней ночи. Держа в руке маленькую бутылку воды, он шел обратно, и с каждым его шагом мое сердце стучало всё быстрее.

— Нет, я не дома.

— Севиль, ты что, до сих пор ждешь меня?! О, боже, я самая паршивая подруга из возможных!

— Нет, я на набережной. Я пошла пешком и...

И вдруг я замолчала. Парень приближался, и мне хотелось провести с ним ещё немного времени, но стоило только представить картину, которую он увидел, ворвавшись на своем байке в тот злосчастный переулок, как мне тотчас захотелось бежать от него куда подальше. Мне было невообразимо стыдно.

— Ты можешь приехать за мной? — я не спросила, а скорее, взмолилась.

—...Севиль? Что такое, Севиль? С тобой что-то случилось?

Парень уже подошел к лавочке и сел на прежнее место.

— Я на набережной, — сообщила я деланно невозмутимым голосом, — прямо напротив пешеходного перехода, где тебя впервые оштрафовали сотрудники ДПС. Я тебя жду.

Я отключилась, не оставив Габриель шансов забросать меня вопросами.

— Это тебе, — протянул мне бутылку незнакомец. Я взяла её, но не сразу. — Я её не открывал и ничего в нее не добавлял.

— Я об этом и не думала.

— Получилось дозвониться? — спросил он, сев поудобнее.

— Да. Она застряла в лифте на несколько часов и потеряла свой телефон. Поэтому не смогла приехать за мной.

— Кажется, у нее был не самый удачный день.

— Послушай, — сказала я на выдохе и повернулась к нему полубоком, — я не могу выразить, как сильно благодарна тебе за то, что ты сделал. Я не знаю, как и почему ты оказался там, но спасибо, что в эту ночь ты предпочел приехать на эту проклятую улицу. Спасибо, что спас меня, — произнесла я, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Он смотрел на меня, не моргая. — Никто и никогда не делал для меня ничего подобного.

— Ты ведь не хочешь сказать, что в твоей жизни часто происходит что-то плохое, с чем никто не может тебе помочь?

— К счастью, нет, — ответила я и опустила взгляд на бутылку в руках. — Мне очень стыдно за то, что ты...увидел.

— Я увидел трех ублюдков, намеревавшихся изнасиловать беззащитную девушку. Ничего более.

В затянувшемся молчании зарождалось напряжение, а оно постепенно скручивало мой желудок. Я открыла бутылку и сделала несколько глотков, после чего предложила воду ему.

— Я не хочу пить, спасибо.

— Как тебя зовут? — спросила я, закручивая крышку.

Его глаза улыбнулись, и мне стало чуточку легче дышать.

— Если это не секрет, разумеется, — добавила я нарочно.

— Тандер.

— Прости? — не расслышала я и инстинктивно наклонилась к нему поближе. — Мне показалось, или ты сказал «Тандер»?

— Всё верно. Зови меня Тандер. Это его прозвище, — кивнул он на свой крутой байк. — По ночам и мое тоже.

— А как насчет дня? — спросила я с улыбкой.

— Сейчас ночь, — подпрыгнули его брови. — Всё, что происходит днем — совсем другая история.

— Вот значит как! Что ж, м-м, логично. Тандер, значит.

— А как зовут тебя?

— Поскольку у меня нет крутого байка, машины и даже велосипеда, — улыбнулась я, угодив в омут серых глаз, — меня и днем, и ночью зовут Севиль.

Тандер плавно моргнул, словно знакомясь с каждой буквой моего имени. Его взгляд на секунду замер в пространстве, а потом медленно сфокусировался на моем лице. И это приятно взволновало меня.

— Красивое имя, — сказал он. — Очень тебе подходит.

Я миллион раз слышала эту фразу, но только сейчас она тронула мое сердце.

— Ты снимаешь свой шлем с восходом солнца, Тандер? — спросила я, испытывая смесь любопытства и смущения.

— Гадаешь, красавчик ли я? — Мы улыбнулись друг другу. — Если так, то спешу тебя разочаровать, Севиль. Я с дефектами, которые лучше никому не видеть.

Я так засмотрелась на него, что не заметила, как в паре метров от нас остановился синий Jaguar Габриель. Я переключила внимание лишь, когда Тандер кивнул в её сторону.

— Севиль! Севиль! Севиль! Что такое? В чем дело? — налетела она на меня и стала ощупывать каждый сантиметр моего тела. — Ты цела? Что случилось? Я летела, как ошпаренная! Я совсем не поняла, что ты имела в виду, и... — И тут её взгляд переключился на поднявшегося с лавочки Тандера, а потом перепуганно устремился к сверкающему байку. — Вот черт. Севиль, ты что, садились на эту штуковину?

— Габи, всё в порядке, — поспешила я успокоить её и взяла за руки. — Это Тандер, — представила я своего героя. Он молча протянул Габи свою руку в черной перчатке. Недоверчиво оглядев его, моя подруга нерешительно ответила на рукопожатие. — Он кое-что сделал для меня сегодня, о чем я расскажу тебе чуть позже. Это Габриель, моя подруга.

— Приятно познакомиться, Габриель.

—...Можно просто Габи. Кхм. Я не ослышалась? — пих-

нула она меня в бок. — Тандер?

— Верно.

— Это значит гром? — спросила она его.

Тандер молча кивнул.

—... Что ж, весьма интересно. Кхм. Севиль, ты садились на эту штуковину? — Я даже рта открыть не успела, как Габи продолжила: — Это ведь очень опасно. Ничего личного, Тандер, но ты весь такой экипированный, в этой защитной одежде, а моя подруга — просто в... — Габи поджала губы и укоризненно посмотрела на меня. — По твоим меркам, она — голая!

— Габи! — Я с силой сжала её руку.

— Надеюсь, ты хотя бы шлем ей дал?

— Габи, всё в порядке, — как можно спокойнее сказала я, хотя мне было чертовски неудобно перед парнем, который спас мне жизнь. — Я потом тебе объясню, почему всё так вышло.

— У тебя хорошая подруга, Севиль. Её замечания и вопросы вызваны беспокойством о тебе. Нет, — взглянул Тандер на Габи, — второго шлема у меня нет, ведь я всегда езжу на байке один. Севиль пришлось сесть на эту штуковину, поскольку того требовала ситуация. Могу заверить, что, направляясь сюда, я ехал чрезвычайно осторожно. Если бы ты сейчас не приехала за ней, я посадил бы её в такси и отправил домой, поскольку ехать со мной на байке без защиты — очень опасно.

—...Ладно, — замешкалась моя подруга, глядя то на меня, то на Тандера. — Какая именно ситуация вынудила тебя сесть на байк, ты мне ещё расскажешь. — Ого! Штуковина превратилась в байк! — Время позднее, — взяла меня Габи под руку, — тебе завтра рано вставать, так что нам уже пора ехать.

Мои мысли разрывались между намерением Габи скорее уехать (часть меня была с ней согласна!) и желанием не ставить точку в нашем знакомстве с Тандером, хотя бы потому, что я чувствовала себя обязанной ему.

— Тандер, — обратилась я, — я бы хотела что-нибудь сделать для тебя в качестве благодарности за твой... поступок.

— Ты уже сказала «спасибо», Севиль, и этого достаточно.

— Но не для меня. Я понимаю, что не смогу в полной мере отплатить тебе, но, пожалуйста, позволь мне сделать для тебя хоть что-то хорошее.

Его явное нежелание брать с меня «плату» за оказанную мне помощь лишь усиливали мой порыв. Тандер ничего не ждал, и это подкупало меня. Даже восхищало.

— Как-нибудь угостишь меня кофе, — сказал он, обойдя байк и убрав подножку.

— «Как-нибудь» — понятие растяжимое и неопределенное, — улыбнулась я. — Может, ты оставишь мне свой номер, чтобы мы могли договориться о встрече?

Габриель незаметно ущипнула меня за бок, но я проигнорировала её посыл. Я подошла к байку, встав напротив Тан-

дера, но его глаз больше не увидела: он уже опустил визор.

— Прошу тебя, Тандер, не обижай меня. Для меня это очень важно.

— Севиль, дорогая, — вмешалась Габи, вновь поспешив взять меня под руку, — ты, должно быть, забыла, что тебе завтра рано вставать. У тебя собеседование не абы где, а в «Мельнице», так что, пожалуйста, поехали уже отсюда, — за вежливым голосом скрывалась раздраженная настойчивость. — И Тандер, как видишь, тоже спешит уехать, так что не будем друг друга задерживать.

— Записывай цифры, — сказал он мне, и я тут же полезла в сумку за телефоном. Я старалась не показывать радости, пока вбивала цифры, но меня точно слегка лихорадило. — Твой номер у меня, — сообщил он, покрутив светящимся экраном своего телефона, на который я звонила.

— Ура, — выдавила Габи. — Вы обменялись номерами. Теперь можем разъезжаться.

— Так у тебя уже завтра собеседование? — поинтересовался Тандер, спрятав свой смартфон в карман кожаной куртки.

— Да, но я не думаю, что хочу там работать.

— Постой, что? — удивилась Габи, которая несколько секунд назад спешила уехать. — Ты ведь была так рада, когда они ответили на твое резюме!

— Была, но потом поняла, что это место мне не подходит. Можем ехать.

— То есть, как это — не подходит?

— Думаю, об этом мы поговорим в другое время.

— У тебя будет собеседование в «Мельнице»? — спросил

Тандер.

— Да. То есть, нет, — покачала я головой. — Я на него не приду.

— Но почему? Я не понимаю! — вздохнула Габи, которая действительно не понимала, что сейчас не время и не место это обсуждать. — Почему вдруг, Севиль?

— Потому что я так решила. Поехали, Габи!

— Что за день такой кошмарный! Всё через одно место! Работать там в миллионы раз лучше, чем где-либо ещё! Это же «Мельница»!

— Комплекс находится в двадцати километрах от города, а я живу в самом его центре! — не выдержала я. — Расстояние намного больше, чем это! — махнула я рукой.

Габриель затихла и, кажется, только сейчас осознала, что о моей будущей работе мы могли бы поговорить чуть позже.

— Мой брат там работал, — вдруг сказал Тандер. — Организация предоставляла автобус для сотрудников, который забирал их из города и привозил обратно. Не знаю, как сейчас, но два года назад было так. — Он завел двигатель, нажал какие-то кнопки на руле и повернул ко мне голову. — Рад был знакомству, Севиль. Всего тебе наилучшего.

Тандер кивнул Габриель и рванул в ночь гигантского города, взметнув облако дорожной пыли.

«Всего тебе наилучшего»?

Его слова ударили в грудь, оставив горький привкус прощания. Так прощаются, когда встречи больше не предвидится. И даже номер его телефона в моем мобильном не давал утешения.

Глава 3

3

Длинные волосы Габриель отливали цветом горького шоколада при тусклом свете напольной лампы. Днем её густая шевелюра, питающаяся исключительно премиальной косметикой, светилась холодным коричневым пеплом, и этот богатый оттенок идеально гармонировал с её карими глазами.

— Поверить не могу, что с тобой случился этот ужас! Это же просто невысказанно! Господи! Это я виновата!

— Габи...

— Это моя вина! — перебила она, прижимая колени к груди. — Мне следовало выехать из дома раньше, но я болтала по телефону и не заметила, как пролетело время. А когда спохватилась — застряла в лифте! Я даже представить себе не могу, что ты пережила, Севиль! Тебе стоило поехать в полицию!

— Физически я не пострадала, а вот от этих уродов не осталось живого места. Единственный, кого бы сочли виновным, так это Тандер.

— Это случилось на вшивой улице, которую власти никак не могут снести к чертям собачьим уже много лет! Всем известно, что там тусуются одни отбросы.

— Я тоже знала, но ведь пошла туда, — сказала я и сделала большой глоток красного вина. — Как ни крути, сама

виновата в том, что случилось.

— Просто немыслимо! С каких пор жертвы изнасилований «сами виноваты»?

— С таких, что мужчины тоже умеют врать. Тандер превратил их лица в вишневые каши, — произнесла я, уставившись в одну точку. — Жертвы — они, я — провокатор, а герой — и вовсе злодей.

Я сделала ещё один глоток и поставила бокал на маленький круглый столик рядом с креслом, в котором сидела, укутавшись в велюровый плед. Мне не было холодно, двери балкончика во французском стиле были открыты настежь, впуская в комнату тёплый ночной воздух. Я укрывалась, потому что так мне казалось, что я нахожусь в чьих-то объятиях.

— А он и правда герой, — сказала Габриель тихим и виноватым голосом. — Кажется, я была груба с ним, да?

— Ничего подобного.

— По понятным причинам я ненавижу байкеров и их проклятые мотоциклы. Но этот парень спас тебя от настоящих ублюдков, а значит, у него что-то типа иммунитета.

— Угу.

— Я наехала на него! — удрученно покачала она головой.

— За что он тебя похвалил, — напомнила я и мысленно утонула в тёплом взгляде его серых глаз. Мне совсем не хотелось думать, что я больше никогда их не увижу. — Кажется, он не хочет, чтобы я угощала его кофе.

— Это потому, что у тебя подруга с прибабахом! Мне не

стоило вообще открывать рот.

— Дело вовсе не в том, что ты очень хорошая подруга, — сказала я с улыбкой, которая слишком быстро померкла. — Если бы у меня похитили сумочку, и он вернул мне её, тогда бы всё было иначе. Но он застал меня в таком виде, что... — Я с горечью усмехнулась. — Наверное, каждый раз, когда он смотрел на меня, то видел мой голый зад и полную беспомощность. Кошмарное унижение.

— Но это не твоя вина! Ты не по собственной воле находилась в компании трех отморозков!

— И всё же, — снова засмотрелась я в одну точку, — он точно надолго запомнил этот момент. Не самое приятное зрелище, а глядя на меня, его он только и видит.

— Ты не можешь знать наверняка, что он там видит, когда смотрит на тебя. — Я промолчала и закрыла глаза, наконец, ощущая приятное расслабление от выпитого вина. Вот бы в словах Габриель была правда. — Он тебе понравился, да? Впрочем, глупый вопрос. Честно говоря, даже при моем отношении к нему подобным, он весьма завлекающий.

— Завлекающий?

— Я бы дала оценку его внешности, но кроме высокого роста, крепкой фигуры и глаз ничего не видела. В целом он, как с картинки: крутой и опасный темный рыцарь, рассекающий по дорогам ночного мегаполиса в поисках преступников, которых необходимо кастрировать!

— А разве после того, что он сделал для меня, его внеш-

ность так уж нуждается в оценке?

— Хочешь сказать, что тебе всё равно, какой он без своего шлема и костюма?

Я вдруг вспомнила, что Тандер упомянул о каких-то внешних дефектах. Потом приехала Габриель, и наша беседа подошла к концу.

— А вдруг ему уже под полтинник?

— Он не намного старше меня, — засмеялась я и потянулась за бокалом.

— Это ты по его глазам поняла?

— И по глазам, и по голосу.

— А если это всё, что и есть в нем привлекательного? — спросила Габи и разлила в наши бокалы остатки вина в бутылке. — Во внешности, я имею в виду.

— Я ведь просто хотела поблагодарить его, Габи.

— Знаю. Но когда у девушки появляется её личный герой, она на многое закрывает глаза. Точнее, они сами у нее закрываются, потому что в голову фонтаном бьют гормоны и эмоции. Может, он не слишком хорош собой, и ты этого не увидишь, потому что уже ослепла от любви!

— Хорошо, что у меня была всего одна бутылка, — закатила я глаза. — Иначе твои нелепые рассуждения занесли бы тебя слишком далеко.

— Если что, он и мой герой тоже! А если ещё и красавчик, то просто — вау.

— Я пойду спать! — поднялась я на ноги, придерживая

плед. — И тебе советую.

— Это будет сложно. Как представляю, что ты сегодня пережила...

— Не представляй, — улыбнулась я, подержав её за руку. — Я дома и со мной всё хорошо. Люблю тебя.

— Стой! Стой! — подпрыгнула Габриель, едва не выплеснув вино на синий диван. — Если вы ещё увидите, ты передашь ему мои слова? Ну, о том, что мне очень стыдно, что я была с ним груба, и всё такое?

— Я бы с радостью, но, думаю, этому уже не бывать.

* * *

На следующий день Габриель отвезла меня в загородный клуб отдыха «Мельница». Всего за несколько лет это место стало излюбленным уголком банкиров, бизнесменов и их семей — настоящим символом роскоши, доступным лишь самым состоятельным. Уже на подъезде к клубу, сквозь густую зелень деревьев, проглядывали стильные и элегантные фасады зданий, утопающих в ухоженных садах.

Внезапная волна тревоги заставила меня опустить стекло. Воздух, наполненный запахом свежескошенной травы и едва уловимым ароматом дорогих духов, лишь усилил мою неуверенность в себе.

Честно говоря, я откликнулась на вакансию администратора в ночном клубе, находящемся на территории огромного комплекса и являющемся его непосредственной частью, из любопытства. С тех пор как стало ясно, что ресторан Риты

ждет неминуемое закрытие, я стала частым гостем на сайте по поиску работы. Я не рассчитывала, что мое резюме, в котором не было ничего выдающегося для столь серьезной организации, заинтересует специалиста по подбору кадров, однако, когда на электронную почту пришел положительный ответ, я почувствовала, что удача наконец мне улыбнулась. Правда, до вчерашних событий.

— Выглядишь супер, — в который раз за это утро сказала мне Габриель. Я поправляла легкий макияж в зеркале козырька и ощущала легкую нервозность. Густые волосы я собрала в низкий пучок, оставив по бокам две короткие пряди, обрамляющие лицо. — Очень стильно и сдержанно. Ты им точно понравишься.

Мы стояли на большой парковке недалеко от пункта охраны. В сотый раз за сегодня я напредила себе, что это место находилось слишком далеко от города.

— Я не хочу здесь работать, — покачала я головой, убрав козырек.

Габриель засмеялась.

— Так тебя ещё никто не нанимал!

— Я серьезно. Зря мы сюда приехали.

— Севиль, в чем дело?

— В том, что мне придется просыпаться на несколько часов раньше, чтобы успеть собраться и приехать сюда вовремя. А в конце дня возвращаться домой по потемкам. У меня уже была работа с подобными трудностями. Больше не хочу.

Габриель немного помолчала, понимая, чем вызваны мои опасения и страхи.

— Севиль, — осторожно сказала она, — но ведь ты ещё не знаешь, какие условия предложит организация. Вдруг Тан-дер прав и руководство предоставляет автобус, который занимается развозкой сотрудников? Сомневаюсь, что у каждого из них есть личный транспорт. На такси точно можно разориться, а остановок для общественного транспорта здесь нет.

— Общественный транспорт смотрелся бы здесь слишком нелепо, согласишься? — усмехнулась я, глянув на выстроившиеся в ряд дорогие машины. — У меня странное предчувствие.

— И это объяснимо. Ты вчера пережила настоящий ужас, Севиль.

— Дело не в этом. Не знаю, как объяснить, но что-то подсказывает мне не идти туда, потому что...

— А ты не слушай! — не дала мне договорить Габриель. — Скорее всего, сотрудникам действительно предоставляют транспорт. Здесь-то они точно не живут. Севиль, мы ведь уже здесь, — настаивала она. — Чего тебе стоит сходить туда и посмотреть, как там всё устроено? Послушай, я не сомневаюсь, что ты им понравишься. Но прежде чем делать выводы и принимать решения, не лучше ли до конца убедиться, что эта работа не для тебя?

— Ты права.

— Конечно.

— Я ведь уже здесь.

— Именно.

— Ладно, к черту! — фыркнула я и потянулась за сумкой на заднем сиденье. — Твоя взяла!

— Есть! — похлопала Габриель.

— Когда я вернусь, поедем куда-нибудь поесть. Пока добирались сюда, я жутко проголодалась.

— А я говорила тебе позавтракать, но ты отказалась! — Я уже вышла из машины и направилась к пункту охраны. — Севи́ль?

Я обернулась. Затемненное стекло водительской дверцы плавно ползло вниз.

— Ты лучшая, — подмигнула моя подруга. — Помни об этом.

Глава 4

4

Я так и не поняла точно, кем была Сара, в кабинете которой я провела сорок минут, рассказывая о себе и отвечая на её вопросы. Возможно, управляющая или заместитель директора. На двери, ведущей в просторный коридор с другими кабинетами, висела лишь табличка: «Администрация».

Я поняла, что наша беседа подошла к концу, когда Сара опустила ладони на гладкую поверхность стеклянного стола, а из её красиво очерченных губ вырвался короткий вздох. На длинных пальцах красовались элегантные кольца с бриллиантами, а на запястье — несколько браслетов Cartier.

— Вы мне нравитесь, — сказала она, и часть меня встрепенулась от гордости за себя. — Вас интересно слушать, у вас грамотная речь, вы хорошо владеете английским и вы — студентка третьего курса.

— Заочного отделения, — уточнила я.

Сара улыбнулась, а потом сняла очки в стильной черной оправе и опустила их на стол.

— Севиль, я считаю, что вы нам подходите. Но дело в том, что вакансия, на которую вы откликнулись, уже занята.

—...Вот как. Тогда в чем смысл нашей беседы?

— В том, что у меня есть для вас другое предложение. Я прошу прощения, что не уведомила вас об этом ещё три дня

назад. Это связано исключительно с моими личными проблемами, а не потому, что я пренебрегаю элементарной вежливостью. На днях умер мой старый друг, и это известие меня потрясло.

— Сочувствую.

Сара коротко кивнула, прочистила горло и смахнула с лица пшеничную прядь.

— Как я уже сказала, у меня есть для вас другое предложение. Вакансия подразумевает работу персонального характера, но, разумеется, исключительно на территории комплекса.

— Я пока плохо понимаю, о чем речь.

— Завтра в город приезжает владелец комплекса. Он всегда останавливается здесь, у него есть свой дом и прилегающая к нему территория. Поскольку он бывает здесь не так часто, как хотелось бы, скапливается много дел и задач, которые он должен решить до того, как снова уедет.

— Вы подразумеваете должность личного помощника?

— Личный помощник, секретарь, — кивнула Сара. — График устанавливает он, но обычно это с 9 до 18. Насколько мне известно, он приедет на три месяца.

— А что потом?

— За это время у вас будет возможность проявить себя. Наш комплекс огромный, работы здесь всегда хватает. Должность администратора, на которую вы претендовали, заняла наша сотрудница. До этого она шесть месяцев работала

на побегушках у управляющего ресторана. Если вы хорошо проявите себя, и вам понравятся коллектив и место, я найду для вас отличную должность. У вас, Севиль, есть огромное преимущество: я предлагаю вам работу с главным человеком самого модного и единственного в своем роде клуба закрытогоотдыха. Вы ведь понимаете, что наши гости — успешные и довольно известные люди, как в городе, так и за его пределами. Работать в нашей организации — престижно. Я получаю сотни резюме от студентов, выпускников и людей с огромным опытом за плечами, мечтающих стать частью «Мельницы». Из двадцати кандидатов зеленый свет получает лишь один, а бывает, и вообще никто. Как я уже сказала, вы мне понравились. Я вижу потенциал. Ну а как быть дальше — решать только вам.

— Немного неожиданно, — сказала я, поерзав на стуле.
— И пока это всего на три месяца.

— Понимаю. Вы рассчитывали совсем на другое.

— Я не встречала вакансии личного помощника руководителя на сайте.

— Её там никогда и не будет. Работа временная, поэтому обычно я предлагаю её кому-то из сотрудников, кто, по моему мнению...отлично с ней справится. Если у вас есть вопросы, смело задавайте.

— Есть, — улыбнулась я, заметив короткое замешательство в её взгляде. — Человек, с которым мне предстоит работать, какой он?

— Если кратко: требовательный, но справедливый. Он может говорить приказным тоном, но при этом его замечания всегда обоснованы. Не терпит хаоса и акцентирует внимание на дисциплине. В работе он именно такой.

— А вне её?

Теперь Сара внимательно взглянула на меня, и я пожалела о заданном вопросе. Более того, я вообще не понимала, какого черта позволила себе произнести его!

— Здесь его внимание сосредоточено исключительно на работе, на результатах, на выполнении поставленных задач. Какой он вне своей профессиональной деятельности, известно только тем, кто с ним не работает.

— Ясно.

— Должна сказать, что он ярый противник служебных романов. На будущее, — как бы поставила она меня в известность.

— Я прекрасно знаю, что такое субординация, деловой этикет и профессиональная этика.

— Очень надеюсь, что это так. Потому что ваши предшественницы об этом забывали.

* * *

— Что-что они делали? — переспросила Габриель, накручивая спагетти на вилку. — Забывали, что боссу нельзя строить глазки? А если он блондин с голубыми блюдцами? Как тут устоять?

Мы обедали в кафе недалеко от торгового центра, куда я

потом собиралась зайти. Поглощая пасту с курицей и грибами, я постоянно таращилась на свой телефон, который лежал на столе рядом с тарелкой.

— Так, погоди! — переключила мое внимание Габриель.
— Я не поняла, ты всё же согласилась на эту работу или нет?

— Выхожу с завтрашнего дня.

— Аллилуйя!

— Сара сказала, что мой требовательный, но справедливый босс прилетает после полудня, так что у меня будет несколько часов на ознакомление с территорией и на составление расписания на ближайшие пару дней. Не знаю, получится ли у меня. Я ведь никогда прежде не была ничьей помощницей.

— В этом нет ничего сложного. Всегда держишь под рукой ежедневник, ручку и телефон. Отвечаешь на звонки, фиксируешь важное, вычеркиваешь ненужное, а потом просто составляешь план на несколько дней, по которому будет жить твой босс.

— Ох, надо же! — иронично воскликнула я. — И впрямь ничего сложного.

— Я уверена, ты справишься. И эта работа в тысячу раз лучше и перспективнее, чем та, что у тебя была. Это же «Мельница», Севиль! Там тусуются самые сливки и их сливочки-детки.

— Звучит омерзительно.

— Как есть. Ты там столько мажоров увидишь. Разных

возрастов и комплекций.

— Ты ведь тоже сливочка своих сливок-родителей. Почему же ты там не тусуешься?

— Вообще-то, я там уже была.

— Вот как! Почему меня с собой не взяла?

— Потому что ты готовилась к экзаменам и запретила тебя отвлекать. А мои родители — динозавры, — вздохнула подруга. — Папа предпочитает встречаться с клиентами по-старинке: в классическом и брутальном кабаке. А мама с подругами зависает в китайском спа и посещает только старые рестораны.

— Изысканные заведения с богатой историей, — поправила я, на что Габриель закатила глаза и фыркнула.

— Как зовут твоего босса?

— Понятия не имею. Сара не говорила.

Габриель чуть не подавилась.

— А ты что, не поинтересовалась?

— Честно говоря, я об этом как-то не подумала. Она меня сбила с толку, сказав, что вакансия уже занята, но вот тебе другая, и смотри, какие бонусы тебя ждут, если согласишься. Ах, да, пока это только на три месяца.

— Ну, бонусы и впрямь впечатляющие. Высокая зарплата, сверхурочные — ого-го, плюс они оплачивают твой проезд на такси. Даже я тебе завидую.

— Даже! — засмеялась я. — Кстати, раз в неделю я могу позволить себе два часа в спа-комплексе. Массаж, термаль-

ный бассейн, финская сауна.

— Ну тут они могли бы и больше времени предоставить. Разве можно успеть отдохнуть за два часа? Ещё и раз в неделю! Пф!

Улыбка не сходила с моего лица, но непослушный взгляд был прикован к темному экрану телефона. Мысли витали где-то далеко от новой работы. Всё оставшееся время Габриель тщетно пыталась разузнать что-либо о владельце «Мельницы». Официальный сайт не содержал сведений о руководстве, предоставляя лишь контактный номер администрации.

Казалось, весь день мои мысли блуждали по недавнему прошлому, и к вечеру это стало почти невыносимо. Внутри что-то подталкивало взять телефон и отправить короткое сообщение. Я никогда не была инициатором в отношениях с парнями. Во-первых, они всегда опережали меня, не давая даже почувствовать желание сделать первый шаг. А во-вторых, до сих пор никто из них не вызывал во мне даже намека на нежные чувства. Никто, кроме Тандера.

Часы пробили 21:00, а от него так и не было ни звонка, ни сообщения. Молчала и я, боясь показаться навязчивой. Сейчас, вспоминая вчерашнее унижение — как я буквально вымаливала его номер — мне хотелось провалиться под землю и надеяться, что Тандер уже давно забыл о моем существовании. И в той же мере я хотела, чтобы он думал обо мне так же, как и я о нем.

Подготовив белый хлопковый жилет и широкие террако-

того цвета брюки к завтрашнему дню, я села в кресло напротив распахнутых дверей балкона, набросила на плечи обнимающий плед и взяла в руки телефон. Я вводила короткий текст сообщения по меньшей мере десять раз, потому что столько же его удаляла.

Севиль: Привет. Какдела?

Севиль: Привет, Тандер! Какжизнь?

Севиль: Может, встретимся?

В какой-то момент мне стало даже жаль себя, и я, горько рассмеявшись, бросила телефон на столик. Правда, уже в следующую секунду он зазвонил, и я, испугавшись, что могла случайно отправить одно из своих нелепых сообщений, на мгновение застыла от ужаса.

Звонила Патрис. Возможно, впервые за всю свою жизнь я испытала облегчение, увидев на экране её имя. Я не ответила ей и поставила телефон на авиарежим на тот случай, если ей вздумается досаждать мне звонками всю ночь. К несчастью, такое уже случалось.

Правда, собираясь утром на новую работу, я почувствовала легкое волнение и вдруг задумалась: чего Патрис хотела от меня на этот раз? Вероятно, снова похвастаться очередным крупным приобретением, которое досталось ей за красивые глазки, умелый рот и гарантированную безотказность.

В соцсетях Патрис регулярно публиковала фото: успешная молодая девушка с «несколькими бизнесами», путешествующая по миру, останавливающаяся в самых роскошных

отелях и разъезжающая на самых дорогих авто. Иногда в кадре мелькала мужская тень — спина, рука, нога. Но Патрис продолжала сочинять мотивирующие посты, уверяя наивных подписчиков, что её богатство и положение — результат личного упорства, целеустремленности, риска и веры в себя. Порой я думаю, что мама бы ею очень гордилась.

Отключив авиарежим, чтобы вызвать такси, на меня тотчас обрушились уведомления о двенадцати пропущенных звонках от нее и одном сообщении:

Патрис: Ну куда ты запропастилась? Мне нужно сообщить тебе кое-что важное! Перезвони мне, Севиль. ЭТО СРОЧНО.

Перед выходом я ещё раз проверила содержимое сумки-тоут: документы, косметичка, зарядное для телефона, толстая тетрадь, новый ежедневник, две шариковые ручки, банковская карта, две таблетки обезболивающего. Мой взгляд метнулся к газовому баллончику.

— Психов много, рыцарей — мало. Теперь ты будешь со мной всегда и везде, — сказала я и закинула баллончик в сумку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.